

ИВАНЬ ЛАПОТНИКЪ.

Сказка.

Слава—те Господи! воть и лыкъ надраль!
молвиль Иванъ Лапотникъ, вошедши въ
избенку свою, которая стояла на краю села
и сама, какъ облупленная липка, безъ
двора, безъ плетня, безъ забора, да чуть ли
и не безъ кровли. Иванъ Лапотникъ былъ
убогъ и голъ: бываль когда—то хлѣбецъ, да
градъ побилъ, раннимъ снѣгомъ придавило,
дождями поваляло — а тамъ еще и мха
напала; послѣднюю краюху самъ сѣль, а
сѣмянъ на посѣвъ и не осталось ни зерна.
Была—таки когда—то и скотинка, да падёжъ
поваляль, волки порѣзали, калмыки украли
да въ сухомятку поѣли — а послѣднюю
яловку прикащикъ, за подушное, со двора
согналъ. Прикащикъ этотъ говориль такъ:
не подой козы, молока не дастъ; не стриги
овцы, она шерсти не дастъ, хоть и сама,
лѣта краснаго дождавшись, станеть плѣходя

ронять ее клочками, а уже на дворъ тебѣ ее не принесеть. И таки не—гдѣ правды дѣвать: надъ Иваномъ Лапотникомъ сбылось тоже: поколѣ было у него чтль, такъ бывало все только холится, да почесывается; бывало коли въ ворота кто по вечеру стукнетъ, такъ, не слезая съ печи, жену посылаетъ: поди отопри; а какъ только облупили его кругомъ, что липку, пошелъ и онъ лупить, драть лыку, да плести лапотки, и сдѣлался человѣкъ — источникъ и художникъ на ремесло, котораго прежде и въ глаза не видаль и въ рукахъ не держалъ. Бывало двойные лапотки съ поднарядцемъ свахляеть такъ чтль твои чеботы строченые! И перебивается нашъ Иванъ себѣ съ ломтя на ломть, и кормиль и себя и старуху свою.

— Слава—те Господи, молвиль онъ, кинувъ беремя лыкъ на полъ, вотъ и лыкъ надралъ! Старуха, да что же ты стоишь, словно въ гости пришла, не поглядишь, не порадуешься, говори: слава Богу, хозяинъ лыкъ надралъ!

Хозяйка его была старуха богомольная, знала Святцы не хуже дьячка иного, и, при

всей бѣдности своей, Пасхи безъ кулича, а Масляны безъ блиновъ не проводила. Въ середу Средокрестной недѣли пекла изъ постнаго, сдобнаго тѣста кресты; а уже коли не было мучицы ни крупинки, такъ хаживала печь ихъ къ сосѣдкамъ; тожь и четверговую соль не позабывала пережигать съ квасною гущею; а кутью готовила не только въ Рождественскій сочельникъ, но и въ одну изъ великихъ субботъ; а въ память Феодора Тирона всегда варила кѣлево, сирѣчь, кутью пшеничную. Она, старуха, на этотъ разъ, когда стариkъ пришелъ домой съ лыками, готовила, разжившись съ легкой руки, законныя поминки сорокъ мученикамъ, которымъ празднують, какъ извѣстно, 9-го Марта. Старуха катала сдобное тѣсто на конопляномъ маслѣ, выгадывала да выкраивала изъ него 40 жаворонковъ, и пестрила ихъ ключемъ, наперсткомъ, не то гребнемъ — ужъ не тѣмъ гребнемъ, что въ банѣ космы расчесываютъ, — а тѣмъ, что лень чешутъ. Ей было не до старика старухѣ, а онъ тутъ привязался съ лыками. — Отойди, старый, молвила она, надраль, такъ надраль; такъ

садись ступай, да плети лапти, да неси на базарь, припасай копѣйку на Святую: надо сандалу купить, да шафрану, да инбирю. —

Старикъ проворчалъ что–то про себя, а самъ таки принялся за кочадыкъ. Старуха все возилась съ жаворонками: катала, мѣсила, пестрила, сажала, наконецъ, вынула ихъ — слава Богу! не подгорѣли жаворонки, дошли, доспѣли, зарумянились, и поглядѣть, такъ лакомо, хоть за разъ по мученикамъ поминки твори!

Старикъ! а старикъ! что же ты, знай, сидишь да сопиши, лапти свои ковыряешь, а сюда не глянешь? Слава—те Господи, я съ жаворонками—то управилась! виши какіе!

— Нѣть, отвѣчалъ старикъ, я тѣмъ часомъ лапоть сплелъ и подъемъ совершилъ, и концы схоронилъ; скажи—ка ты: слава—те Господи, лапоть поспѣль! —

Ну, поспѣль, такъ поспѣль, такъ берись за другой. — Примусь я и за другой, молвиль старикъ, да ты скажи сперва Господу Богу спасибо и за этотъ; скажи же по моему: слава—те Господи, лапоть поспѣль! —

Старуха зартачилась. Плети, говорить, ты знай свое, а я свое. — Старика взяла досада; съ чего старуха моя задурила? —

Аль ты, говорить, отъ крестной силы отреклась, что не хочешь Бога помянуть за насущное пропитаніе наше? И пришелъ я давича такъ не хотѣла слава Богу вымолвить и работу покончиль, тоже да тоже! Старуха! промолви: слава Богу, коли не хочешь, чтобъ я разсерчалъ на тебя!

Отвяжись ты отъ меня! сказала старуха. — Коли такъ, молвиль мужикъ, вотъ тебѣ крестъ и образъ сыму пожалуй, не примусь я за работу, поколѣ не скажешь ты, чего хочу: и закинулъ лапоть подъ лавку, калодку подъ кутникъ, кочадыкъ на полати.

И пошла война у старика со старухой: крикъ, шумъ,ссора, споры. Берись, старый хрѣнъ, за работу! — Говори, старая корга, слава Богу, лапоть поспѣль! — Нѣтъ, не хочу; поспѣль, такъ поспѣль, такъ берись, знай, за другой; объ одномъ лаптѣ ходить не станешь. — Ну, не скажешь слава Богу, не берусь за работу, хоть и ты треснешь, и самъ издохну голодомъ. — Скажешь,

чтоли? — Нѣть, не скажу. — Старикъ, за словомъ, протянулъ руку, поймалъ бабу свою за волосы — и на что, скажите, бабы эти подъ платкомъ, подъ повязкою, кльсмы отращиваются? — поймалъ старуху за косы, у тебя, говорить, волосъ дологъ, да умъ коротокъ — говори: слава Богу!

Старуха наша была и подъ старость таки голосистаго десятка; а бывало въ молодыя лѣта какъ упреть руки въ бльки, глаза въ потолъки — такъ хоть святыхъ вонъ понеси, а грѣшникамъ, живымъ, такъ и вовсе житья нѣть: бѣги очертя голову! Бывало, любое стадо гусей перекричить; изъ конца села въ конецъ съ кумой да со свахой здоровается, да еще и не больно шибко кричить; а на этотъ разъ, по первому земному поклону, который нохотя она положила, когда сожитель потянуль ее и пригнуль за косы — взвизгнула и залилась соловьиными перекатами, такъ, что всѣ сосѣди, шабры, какъ говорять въ понизовыхъ земляхъ нашихъ, сбѣжались на шумъ и крикъ; тутъ пришелъ и прикащикъ; — пришла и неужели дѣло безъ нее обойдется? — пришла, прибѣжала и

прикащица, бойкая бабенка, изъ дворовыхъ дѣвокъ, что выдана была бариномъ за прикащика, и приданое тожъ, сказываютъ, пошло съ нею отъ барина же. — Стариковъ розняли, допросили: и шумъ и крикъ и драка о томъ, что хозяйка не хочетъ поблагодарить Бога за то, что у мужа работа съ рукъ идетъ! Принялись сосѣди соромить старуху — куда! и приступу нѣтъ: заговорить любова, забросаетъ рѣчами, чуть съ ногъ не сшибеть. И принялся усовѣщивать ее самъ прикащикъ, великий и словоохотный краснобай, который былъ четверти на полторы повыше люду мірскова, сиживаль прежде съ крючкомъ за стойкою, ходилъ нынѣ въ полутонкомъ кафтанѣ, подпоясывался сыромятнымъ ремнемъ съ пряжкою, на которомъ всегда висѣлъ огромный нутреной ключъ отъ анбара. — Оба лўки, оба туги; сказалъ онъ прибоченевшись; оба круты, оба глупы; оба упрямы; въ рукахъ не бывали! А ты не знаешь, Евстигнѣевна, что ты раба его, ребро его, онъ повелитель твой; помнишь ли ты что подъ вѣнцомъ тебѣ отецъ говорилъ? Аль дурью голову позасорило, да путное

повытрясло изъ нее вовсе? Упрямая овца волку корысть; а тебя, Евстигнѣвна, сатана на расправу потянетъ! Велико, вишь, дѣло, молвить: слава—те Господи, стариkъ лапотки сплель! Аль и подлинно ты отъ креста святаго отреклася?

Чего вамъ отъ меня, окаянные? залилась Евстигнѣвна, собирая волосы, да повязывая платокъ свой, чего вамъ? Отвязитесь, собаки, не скажу ничего; не скажу ему: слава Богу, скажу: чортъ унеси душу его!

Такъ говорила старуха наша, и говорила еще хуже этого. Какъ тутъ быть? Прикащикъ, наслышавшись довольно отъ барина своего, что примѣръ самый благой самоучитель — а баринъ, никакъ, помниль наставленіе это еще съ тѣхъ поръ, какъ писаль его въ школѣ по прѣписи, при чемъ его и пѣлями кормили и на песокъ ставили, — вѣрный прикащикъ, слышавъ отъ барина каждый день, что примѣръ соблазняеть, примѣръ наставляеть, обратился ни мало не медля къ дражайшей половинѣ своей, къ ребру своему, и молвилъ: — Вотъ Евстигнѣвна, и Бога

гнѣвишь, и противъ мужа грѣшишь, и людямъ досаждаешь, а все изъ-за пустяковъ такихъ, что слушается, да не вѣрится! Погоди, не шуми, не мѣтайся, слушай, что я говорю: вотъ тебѣ хозяйка моя, для ради примѣра и доброго приклада, скажетъ напередъ, а ты скажи за нею слѣдомъ: слава Богу, мужикъ лапотки покончилъ — да и Богъ съ вами, и грядите съ миромъ. Скажи же Аннушка, для ради доброго примѣра, скажи: слава—те Господи, мужикъ лапотки сплелъ!

— Это въ какую стать? — спросила Аннушка сожителя своего, — а я ей что за батрачка? Да по мнѣ, пусть бы они себѣ очи по выдириали; хоть бы вѣкъ ее старую вѣдьму чортъ за космы таскалъ, такъ я и слова не вымолвлю! Что она мнѣ своя что ли? Да чортъ ихъ возьми, прости Господи! — Прикащикъ ну Аннушку свою уговаривать, упрашивывать, приказывать, а та и пуще на дыбы: дошло и тутъ также до ссоры, до брани, до слезъ, и чуть—ли и не до рукотворного увѣщанія.

Тѣмъ часомъ старуха Евстигнѣевна и сама уперлась на свое мѣсто: хоть ты ей зубы

дергай! да еще къ тому наговорила тебѣ всякой всячины съ три короба, и кучу негодныхъ рѣчей; напустилась ужь не то что на старика, а на всѣхъ святыхъ. Взяли ее міряне, да обще со старикомъ, съ Иваномъ Лапотникомъ, повели къ сельскому батюшкѣ. — Пусть, говорять, отецъ Панкратій разсудить и разбереть васъ, и промежь съ собой и съ Богомъ, пусть усовѣстить и эпитимью наложитъ на старуху, какъ самъ знаетъ: уже теперь не наше дѣло, не мірское.

Отецъ Панкратій сталъ увѣщать старуху нашу, сталъ толковать ей, что она повинна мужа слушать, сталъ говорить ей о мукахъ кромешныхъ и о наказаніи Божескомъ. Ежели, говориль онъ, дѣтище твое на тя руку свою подыметь, то нечестивая рука эта костлявыми перстами выростеть изъ могилы его; а буде жена возстанеть на мужа, хотя словомъ единымъ, языкъ закоснѣть у нее, либо сухота нападеть; а на томъ свѣтѣ еще предстоять муки неизчислимые, неописанные! Что прикащикова Аннушка не захотѣла тебѣ, Евстигнѣевна свѣтъ, примѣра показать, а

послѣдовала твоему, такъ и это равно не годится и грѣхъ ея не менѣе твоего. Строптиваго Богъ караетъ. Пойдемъ къ матушкѣ; — а гдѣ матушка, дѣти? — Пойдемъ къ ней, она покажеть вамъ примѣръ. И что стоить вымолвить: слава тебѣ Господи! Славою возносить, славословить Господа подобаетъ во всякое время, во всякий часъ, и всякимъ помышленіемъ своимъ. Слава не нужна Господу, намъ нужна слава Господня! — А гдѣ матушка, дѣти?

— Матушка взяла вашу шляпу, батюшка, вашу новую, пуховую шляпу, отвѣчали дѣти, да пошла съ нею въ сарай, не то на сѣнникъ.

Что такое это, проворчалъ батюшка, ужь за чѣмъ матушка опять носится со шляпою мою? этаго—то я и не люблю; коли овесъ мѣрять либо пересыпать, такъ можно бы, кажись, коли нѣть гарнца, взять по крайности старую, поярковую шляпу — а это что опять такое.... и пошелъ, со всѣмъ причетомъ искать по двору, по саляямъ, искать матушки; и стариkъ за нимъ, и старуха за нимъ, и мірской народъ, что

привель дурней старыхъ, всѣ — всѣ за нимъ.

А матушка въ это время дѣлала вотъ что: она подсыпала изъ новой хозяйской, батюшкиной шляпы, куръ своихъ отсчитывая, ночетъ яицъ, клала ихъ бережненько въ шляпу, и высыпала, не трогая руками, на гнѣздо и сажала курицу. Дѣло это дѣлается въ тихомолку: оно глазу боится; и когда добрая хозяйка подсыпаетъ да сажаетъ куръ своихъ, такъ это никому въ домѣ и вѣдать не для—чего, и знать не надо. А тутъ нелегкая принесла батюшку, да еще и старуху, да и старика съ карими, темными, цыганскими очами.... Матушка, попадья, выскочила съ сердцемъ изъ сарайчика, разсыпала и побила яйцы въ батюшкиной пуховой шляпѣ, всполошила курицу, которая было уже и усѣлась, а теперь подняла крикъ, закудахтала на все село, и матушка встрѣтила батюшку вопросомъ: А вамъ чего тутъ надобно, вы чего здѣсь не видали? — Батюшка, смѣкнувъ теперь дѣломъ и разгадаль загадку, не сталъ уже допытываться и доискиваться шляпы своей и обѣщалъ сей

же чашь уйти и не мѣшать матушкѣ, коли она только скажеть имъ скорешенько, не переводя духу: слава Богу, у мужика лапотки поспѣли!

Какъ приняла предложеніе это матушка-попадья, этого чай, не нужно и сказывать: она думала, что батюшка нѣ чисто ряхнулся, такъ плохо улучилъ, принаровилъ онъ время, такъ не впадъ заставилъ матушку сказать: слава Богу, лапоть поспѣль! Матушкѣ попадѣ точно было не до того: и бѣдный отецъ Понкратій, сколько ни толковаль, сколько ни уговариваль, ни просиль, не только что самъ не добился никакого толку, но едва только безъ грѣха отошелъ отъ матушки которая давно уже не гнѣвалась на батюшку такъ какъ сего дня. Да и было за что, нечего сказать: ряхнулся стариkъ — привязался, ни дай, ни возьми, а вынь да польжь, скажи да скажи: слава Богу, лапоть поспѣль!

Да и что же мнѣ водить снисходительного читателя моего какъ старца слѣпца, съ камешка на камень, какъ красную дѣвицу съ кладки на кладку, чтобы

ей въ грязи подолу не подмочить; скажу, да и отрѣжу, ужь одинъ конецъ присказкъ моей; и стариkъ со старухой, и Аннушка съ прикащикомъ, и батюшка съ матушкой, всѣ перессорились за тоже словечко, всѣ пришли подъ вечеръ во дворъ къ барину, который вышелъ мирить ихъ и подать благое наставлениe. Тутъ и мірской народъ столкнулся, и бабы сбились въ кучу, и дворня въ пестредевыхъ юпчонкахъ, да въ сѣрыхъ суконныхъ курткахъ, всѣ пришли почесаться, да позубоскальничать. Гдѣссора, гдѣ судъ, гдѣ драка, гдѣ покойникъ, гдѣ свадьба, гдѣ расправа, туда народъ валомъ валить, черезъ тынъ лезеть, заборы разбираетъ, кровли ломаетъ, какъ будто, прости Господи, тутъ на показъ для нихъ штуки выкидываютъ, идите въ балаганъ, къ скоморохамъ, коли есть три пятака въ карманѣ, а коли нѣть, такъ поглядите-ка сами на себя.

И такъ пришли всѣ они къ барину на дворъ, и баринъ ихъ судиль, рядиль, разнималъ, — для чего не сказать: слава Богу, у мужика лапоть поспѣль! — Что за великое дѣло, и что за шумъ люди подняли!

да жена моя, барыня ваша, скажеть вамъ не запнувшись, не заикнувшись двадцать пять разъ сряду въ одинъ духъ: слава Богу, у мужика лапоть поспѣль! Ну, скажи же ты душенька — обратился онъ къ плотной супругѣ своей, которая только что вышла на крыльцо подъ навѣсь послушать, о чѣмъ идеть толкъ и безтолочь — скажи имъ: слава Богу, лапоть поспѣль, да и наплюй имъ дуракамъ всѣмъ въ глаза!... а душенька на это ему: — вотъ, дуру нашелъ, и сама плюнуть плюнула, а сказать не сказала ничего; поворотилась да и ушла въ свои покой....

Я сказалъ уже, что полміра собралось на дворѣ господскому, слушать судъ и ряду по уголовному дѣлу, гдѣ баба не хотѣла сказать спасибо за то, что у мужика работа съ рукъ идетъ, перессорилась сама съ мужемъ и пересорила вотъ уже третію чету — прикащица съ Аннушкой, батюшку съ попадьей, да барина съ бариней. На отказъ этой сказать — слава Богу и наплевать людямъ въ глаза, толпа глумно осклабила уста свои, а барину стало досадно, ущемило его за живое; покинулъ

онъ судъ и рядъ, пошель слѣдомъ за барыней, сталъ упрашивать ее, скажи да скажи, пожалуйста скажи, сдѣлай милость скажи, хоть мнѣ одному да скажи; сталъ гнѣваться и попрекать со дня на день и перебраниваться, и побранился съ нею совсѣмъ; а она, какъ уперлася себѣ: не скажу, отвяжись — такъ умерла черезъ годъ со днемъ, Богу душу отдала, и не потѣшила мужа, не молвила даже и на смертномъ одрѣ своеемъ, о чёмъ супругъ ея всѣми неправдами домогался, не сказала: слава Богу, лапоть поспѣль — и на этомъ дѣло и кончилось.

Въ самомъ дѣлѣ, на этомъ бы дѣло и кончилось; барыню схоронили, баринъ потужилъ — и забыль; поспорить и побраниться, не то кланяться да упрашивать: скажи слава Богу, у мужика лапоть поспѣль — не съ кѣмъ и не кого; такъ бы дѣло и засохло и пропало, и до насъ бы не дошло; да на бѣду у барина съ покойной барыней была и барышня, и — горькая чаша не миновала ее!

Барышня эта была — какъ и всѣ барышни — дѣвушка молоденькая,

пригоженькая, умнинькая: и была притомъ еще, такъ называемая безприданница, дѣвица, которая и безъ приданаго не засидится. И не засидѣлась: нашелся женихъ, да и не вислоухій олухъ, что нашъ братъ, а щеголекъ, молодчикъ, хватъ женишокъ, какихъ не много изъ губернскихъ городовъ въ глушь деревенскую завозять: женихъ съ брыжжами, со свѣтлыми пуговочками, со цвѣтными запоночками, въ бархатномъ жилетѣ, хохоль съ зачесомъ, подъ вльскомъ да подъ лльскомъ, словомъ, кладъ женишокъ, который знаетъ, съ котораго крыльца свахъ засылаютъ; который умѣеть и притти, и присѣсть, и сказаться, и приголубиться. И просватали за него барышню нашу, умнинькую, пригожинькую, и старикъ отецъ справляя пиръ на весь міръ, и праздновали это послѣ помолвки обрученіе.

— Дай Боже, сказалъ одинъ изъ гостей свадебныхъ, близкій сосѣдъ нашему помѣщику и старинный пріятель его, дай Боже имъ, молодымъ нашимъ, и того и другаго, и всякаго прочаго иного, а пуще

всего мира и согласія, чтобы жили да поживали молодые наши, Парфентій Кузмичъ, какъ сами вы изволили жить съ покойною Василисою Андреяновною — спаси Господь душу ея — какъ изволили жить съ нею, до неблагопріятнаго случая — не тѣмъ будь помянута покойница — до несогласія, которому причина былассора старой Ивлевны со старикомъ Иваномъ Лапотникомъ, да ссора попадьи съ батюшкою, да быстроглазой Аннушки вашей съ прикащикомъ — дай Богъ прожить имъ, молодымъ въ мирѣ и согласіи, хоть до золотой свадьбы своей, а тамъ — что Богъ дастъ! Дай Богъ Парфентій Кузмичъ!

Какъ до золотой свадьбы? закричалъ Парфентій Кузмичъ, а тамъ на старости лѣтъ побраниться, какъ я съ покойницею своею, царство ей небесное! это не годится; дочь моя не такова: это дитя примѣрное, послушное, нравъ ангельскій, око мое, зеница моя! Надинька, сердце мое! слушай: скажи же жениху своему, и намъ всѣмъ: слава Богу, лапоть поспѣль; скажи, не стыдись, душа; покажи, что ты не упряма, что умница.

Надинька глянула черезъ столь на папеньку; поалѣла и потупила очи свои: слово, которое заставляли вымолвить ее, было ей въ душѣ ненавистно: она очень помнила, какъ родители ея за это слово день за день ссорились и бралились; ей было такъ больно и грустно вспомнить это, что она рѣшилась бы вымолвить все на свѣтѣ, только не это. Этого губки ея не прошепчутъ ни за что. А тутъ еще и весь столь, всѣ сотрапезники притихли, замолкли, ожидая рѣчи невѣсты; а тутъ еще и батюшка сталъ гнѣваться, горячиться, да настаивать; а тутъ и женихъ, въ куцохвостомъ гнѣдомъ кафтанѣ, подлѣ невѣсты сидя, сталъ упрашивать неотступно, привязчиво, настоятельно — скажи да скажи, коли любишь, такъ скажи; бѣдная Надинька въ слезы, въ плачь, изъ-за стола бѣгомъ въ свои покльи, да и схоронилась въ постель и забилась подъ подушки.

— Скажи, коли любишь меня, умоляль хватъ голосистый невѣstu свою, не давая ей ни отдыху, ни покоя, если любишь, скажи! — Не проси меня объ этомъ, коли

любишь меня, отвѣчала Надя.... глядь тутъ вмѣшились и дружки, и свахи, и посаженая, и кумы со прикумками, и сваты.... Тутъ стали заступаться тѣтки, да бабки; а тутъ и отецъ сталъ кричать и сердиться; а тутъ и женихъ женишокъ, золотой пѣтушокъ, масляная головка, сказалъ словечко невѣстѣ, сказалъ и нареченному тестю своему, — а женишокъ—ать, вишь, былъ изъ горяченъкихъ; — сказалъ словцо — а слово не воробей, вылетить, не поймаешь; слово за слово — и кончилось на томъ, что гнѣдой кафтанчикъ, по вашему свѣтлоказаричневый фракъ, и розовый бархатный жилетъ и манишка съ запонками, все это покатило съ женишкомъ домой — только запылился онъ, да помяль кудри свои, да хохоль модный въ двѣ четверти съ вершкомъ — покатиль въ губернію, отколѣ пожаловалъ и — свадьба разстроилась, на этотъ разъ не состоялась!

О бѣдная безприданница! пожалѣйте обѣ ней, подруженъки!

Вотъ теперь моя сказка вся; на этомъ дѣло кончилось, и невѣста не сказала того, чего хотѣлъ отецъ и женихъ; слезками

отдѣлалась, и отреклась, и не сказала. На этомъ кончилось дѣло — кончилось здѣсь у насъ; а что будетъ, коли и читатели и слушатели наши будуть заставлять женъ и невѣсть вымолвить имъ въ угоду: слава Богу, лапоть поспѣль — что тогда будетъ говорю — не знаю; и ни за что не поручусь; глядите, чтобы не началась также сказка, про Ивана Лапотника, опять сначала, и чтобы не протянулась на вѣки вѣчные, какъ сказка о костяномъ домѣ, либо сказка, про Солдата Яшку, да сѣрую сѣрмяжку.

В. ЛУГАНСКИЙ.
